

Краюшкина Лариса Георгиевна,

преподаватель-методист,

МБУДО Феодосийская детская музыкальная школа №1,

г. Феодосия, Республика Крым, Россия

**«И ВСЯ ДУША МОЯ В КОЛОКОЛАХ...». КРЫМСКИЕ АККОРДЫ
СЕРГЕЯ РАХМАНИНОВА.**

К 145-летию С.В. Рахманинова

Слово не всесильно, хотя, как известно, в начале было Слово... Словом можно дать представление о картине, рисунке, скульптуре, архитектурном творении, но словом не изобразишь музыки, не дашь и намёка на мелодию. Все окольные пути, какими можно увлечь читателей, когда речь идет об изобразительном искусстве, бессильны в применении к искусству, работающему в буквальном смысле из воздуха (ведь звук – это упругие волны эфира, не так ли?)

Художника «написать» можно, композитора – нельзя. Читая о музыкантах, мы узнаём лишь обстоятельства их жизни, черты характера, внешние проявления темперамента, порой – связь личности и судьбы с творчеством, не больше: музыка остается «за кадром». И всё же, со смиренным сознанием невозможности коснуться словом музыки, обратимся благодарной памятью к странностям судьбы, по которым сошлись в буйном кипении весеннего цветения две даты – великий праздник рождения русского Гения и великая скорбь по случаю его ухода¹. Не потому ли в жизненной партитуре Сергея Васильевича Рахманинова тональность весеннего обновления души доминирует над трагедийным мироощущением. И в столь значимом для русской культуры понятии «памяти сердца» неповторимые гармонии, надежды и света, аккомпанируют крымским встречам великого музыканта.

Там, за далью бесконечной,

Отголосок ли сердечный?

Дышит счастье прежних дней...

Сочетанье ли теней?²

Ему уготована была стезя отца-военного. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Или как предпочитал говорить он сам: одно слово – судьба... Кутежи добряка-отца, прокатавшего четыре поместья кряду, дали ему шанс пойти другой дорогой. Какой? Музыкальная одарённость как бы накапливалась в роду Рахманиновых, чтобы воплотиться в феномен творца «Симфонических танцев». Нечто подобное было с Бахом: старинный род пекарей и музыкантов чуть не век напрягался, чтобы создать чудо Иоганна-Себастьяна. Абсолютный слух был наследственным достоянием Рахманиновых. Прадед великолепно играл на скрипке, дед – отличный пианист, сочинял к тому же неплохо. И отца композитора осенила фамильная музыкальность, но он умел лишь бросать на ветер всё, чем владел, будь то земля, капитал или ненужное дарование³. Сын был сделан из другого материала, он не расточал, а приумножал.

Мог ли помыслить маленький Серёжа, что несколько лет спустя Чайковский скажет: «Ему я предсказываю великое будущее»⁴. Мог ли он помыслить, что, прячась от родительских ссор под роялем, он всю последующую жизнь с его помощью будет укрываться от людей и мира? И более того, укрывать людей в своем музыкальном мире!

Одарённый мальчик, однако, не очень-то любил заниматься. Уже будучи студентом младшего отделения Петербургской консерватории, он часто просто слонялся по городу, лихо катался на подножках, пропадая на катке, а единицы в зачётке аккуратно переправлял на четвёрки. Исключение из консерватории застало его врасплох.

Москва подарила ему воистину судьбоносно встречу. Жёсткая школа талантливого педагога Николая Сергеевича Зверева⁵ воспитала в нем волю, которая не ослабевала всю жизнь. Друг Рубинштейна и Чайковского, Зверев взлелеял в своем классе Александра Зилоти⁶, Александра Скрябина, Константина Игумнова⁷, Сергея Рахманинова. Уже в зрелые годы Сергей Васильевич скажет о своем наставнике: «Лучшим, что есть во мне, я обязан ему». Для своих учеников Николай Сергеевич не жалел ни времени, ни средств.

За обучение неимущих он сам вносил плату. Наиболее одаренных брал к себе на полное содержание. Ежегодно в летнее время Зверев со своими питомцами, которых ласково называли «зверятами», выезжал на дачу в Подмосковье. Но летом 1888 года неутомимый педагог повёз юных пианистов – Сергея Рахманинова, Матвея Пресмана⁸ и Леонида Максимова⁹ в Крым. Приглашение приехать на юг Николай Сергеевич получил от своих друзей Токмаковых, детей которых он обучал музыке.

Глава семейства Иван Фёдорович и его жена Варвара Ивановна долго прожили в Сибири, в маленьком городке Кяхта¹⁰. В 1883 году Токмаковы приобрели несколько имений в Крыму. Лев Толстой, Леонид Андреев, Максим Горький, Иван Бунин, Антон Чехов, Александр Спендиаров, Федор Шаляпин, Мария Ермолова, Александр Куприн, Владимир Немирович-Данченко, Ольга Книппер-Чехова – вот самые известные имена гостей сибирского чаеоторговца.

Участник путешествия «зверят» в Крым, близкий друг Рахманинова, впоследствии известный музыкант М.Л. Пресман в статье «Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов» вспоминает, что они поселились в имении Токмаковых в Симеизе. Приезжим был сдан отдельный домик. В нем, помимо Зверева, трёх его учеников и повара Матвея, жил еще и молодой преподаватель Московской консерватории Н.А. Ладухин¹¹, который занимался с мальчиками музыкально-теоретическими предметами. Продолжались и ежедневные занятия на фортепиано. Лето было по-настоящему трудовым. И все-таки оно оказалось необыкновенным! Светлая красота Южного бережья отозвалась в душе Рахманинова необычным волнением.

«Рахманинов стал очень задумчив, – вспоминал М. Пресман, – даже мрачен, искал уединения, расхаживал, размахивал руками, будто дирижируя, и что-то беззвучно насвистывал. Такое состояние продолжалось несколько дней. Наконец, он таинственно позвал меня к роялю и стал играть. Сыграв, спросил:

- Ты не знаешь, что это?

- Нет, – говорю, – не знаю.

- Это я сам сочинил и посвящаю тебе эту пьесу»¹²

По утверждению М. Пресмана, это было самое первое произведение великого композитора, которому в ту пору исполнилось лишь пятнадцать лет, а Крым оказался своеобразной колыбелью рахманиновской музыки, поскольку «там он впервые начал сочинять». Однако еще ранее, в Москве, юный композитор написал три ноктюрна – для фортепиано и фрагмент оркестрового скерцо (части задуманной симфонии). Очевидно, об этом Пресман не знал: скрытный автор не спешил демонстрировать свои первые успехи. Но, возможно, сам сочинитель, недовольный более ранними произведениями, лишь зародившиеся в период крымских каникул пьесы посчитал началом своей творческой деятельности.

Как бы там ни было, не оставляет сомнения главное: в Крыму Сергея Рахманинова охватила такая неодолимая страсть к сочинению, какую он не мог больше скрывать от своих товарищей. В памяти ближайших друзей Рахманинова поездка в Крым запечатлелась именно первыми успехами будущего великого русского композитора. Остаётся только уточнить, что уже давно крымские исследователи местом первого пребывания Рахманинова в Крыму называют Олеиз¹³. Архивных данных, подтверждающих то, что в Симеизе у Токмаковых имелось владение, пока не обнаружено. Возможно, в памяти уважаемого мемуариста произошло перемещение близких и созвучных названий: Олеиз – Симеиз. Возможно более известное (Симеиз) со временем вытеснило малоупотребительное (Олеиз)? Окончательного ответа на этот вопрос пока нет.

Человек, подписывавший в отрочестве свои фотографии «Странствующий музыкант Серёжа Р.», прожил жизнь профессионала высшей пробы, подчинившего всё в себе и вокруг себя одной, но пламенной страсти – музыке. «Войди в огонь, в котором я горю...», – строка микеланджеловского сонета, долетевшего из ренессансной дали, стала эпитафией его жизни. Как точно определил неземную титаническую силу музыканта американский рецензент его последних концертов: «Этот усталый старик казался Мефистофелем, обожжённым собственным огнем»¹⁴.

Рахманинов запретил себе ненавидеть врагов еще молодым человеком, когда в двадцать лет извлёк из Послания апостола Павла к римлянам слова, которые стали одним из руководящих правил жизни: «Не мстите за себя возлюбленные, поддайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение и аз воздам», – говорит Господь». Он выбрал из этого изречения то же, что и Лев Толстой, поставившей эпиграфом к «Анне Карениной» самую повелительную и значительную часть: «Мне отмщение и аз воздам». Рахманинов поставил эти слова эпиграфом к своей Первой симфонии, посвятив её любимой женщине Анне Лодыженской¹⁵.

Любовь оказалась несчастной. Провал Первой симфонии вызвал творческий кризис, подобный потопу. Из жуткой депрессии самостоятельно он выбраться не мог. В январе 1898 года ему приснился «музыкальный бог» Антон Рубинштейн¹⁶, громогласно поразивший его простым вопросом: «Почему Вы не играете?» В сентябре 1898 года в Ялте он аккомпанировал на концерте Фёдору Шаляпину. Затем к нему в артистическую энергично вошёл Антон Павлович Чехов и произнёс фразу, которая, по словам Рахманинова, согревала его в самые тяжелейшие моменты всю жизнь: «Я всё время смотрел на вас, молодой человек, у вас замечательное лицо – Вы будете большим человеком». «Умирать буду – вспомню об этом с гордой радостью», – спустя десятилетия говорил композитор¹⁷.

Ялтинская встреча осенью 1898 года положила начало дружбе Чехова и Рахманинова. Во взаимоотношениях писателя и композитора небезынтересна следующая деталь. Согласно записи в дневнике В.Н. Буниной¹⁸ от 24 сентября 1926 года, Рахманинов в разговоре упоминал о том, что Антон Павлович предлагал ему написать что-то к «Чёрному монаху». И просьба писателя неслучайна. Ведь музыка чеховского слова обнаруживает наибольшую тождественность проникновенным звукам рахманиновских творений. Недаром выдающийся музыковед и композитор Борис Асафьев¹⁹ считал, что если бы «Чайка», «Три сестры» и «Вишнёвый сад» родились бы в сознании музыканта, то они бы прозвучали «рахманиновским тоном».

Бывая в Ялте, Рахманинов всегда навещал Антона Павловича, играл ему свои сочинения. А после смерти писателя, в память о нём, написал музыку на текст монолога Сони из четвёртого действия пьесы «Дядя Ваня» – «Мы отдохнём».

Ту крымскую осень 1898 года, исцелившую душу Рахманинова, подарил композитору миллионер-меценат Савва Иванович Мамонтов, пригласивший его дирижировать в свою Русскую частную оперу. Мамонтов «открыл» великие голоса России – Надежду Забелу-Врубель²⁰ и Фёдора Шаляпина, поддержал в дерзких творческих исканиях художников Константина Коровина и Михаила Врубеля. После постановки «Бориса Годунова» музыкальная Москва заговорила о Рахманинове, как о дирижёре, «которому должно принадлежать первое место в раскрытии богатств музыки русской оперной культуры».

В Русской частной опере состоялось знакомство Рахманинова с Шаляпиным, там началась их многолетняя дружба. Занимаясь в доме Мамонтова с его любимцем теорией и историей музыки, сольфеджио и гармонией и поругивая своего ученика за нерадивость, Сергей Васильевич ещё не знал, что для Шаляпина напишет оперы «Франческа да Римини» и «Скупой рыцарь», ему, «Фёдору Первому», будут посвящены многие романсы. До конца жизни два великих музыканта будут одаривать друг друга пылким поклонением. Последней, неосуществлённой мечтой Шаляпина было прощание с театром в образе Алеко²¹ ...

В июле 1898 года вернулась из Италии балерина Иола Торнаги²², и весь, как говорил Мамонтов, «гениальный состав исполнителей «Бориса Годунова»» отправился во Владимирскую губернию, где в приходской церкви села Гагино обвенчались прекрасная итальянка и великий русский бас. Шафером жениха был Рахманинов, подружкой невесты – певица Варвара Страхова²³, в которую Сергей Васильевич был трепетно влюблён. Ни для кого в театре не было секретом: «Серёжа и Варя очень любили друг друга, – вспоминала Елена Винтер-Рожанская²⁴. В хорошие пригожие вечера они часами гуляли по саду, а потом Сергей Васильевич садился за рояль, играя для Вареньки её любимого

Чайковского или свои композиции. Для всех нас, притаившихся под окном, это был праздник».²⁵

Историю размолвки и расставания с обладательницей чудесного меццо-сопрано, произошедшую год спустя, Рахманинов не поведал даже дневнику.

«Помню утро в росистом плаще,
Помню милый твой смех, твои шалости,
И сжимается горло от жалости
И к тебе, и к себе... и вообще!
Ты сидишь на открытом окне
В волнах воздуха, шелеста, щебета.
Смотришь в синее небо, а в небе-то
Облака, словно пух, в вышине.
А теперь... Посмотри на себя
В эти строки, как в верное зеркало:
Всё ты смяла, ты всё исковеркала...
Как мне жаль и тебя и себя!»²⁶

Из скупых воспоминаний мемуаристов известно, что композитор в трудные послереволюционные годы материально помогал так и оставшейся одинокой Варваре Ивановне, для которой родным станет парижский дом Шаляпина. Но до этого будете ещё так далеко...

А осенью 1898 года Рахманинов принимает предложение Мамонтова, решившего, что его замечательных артистов нужно показывать не только в Москве. «Пусть все знают, какие у Мамонтова голоса», – напутствовал могущественный покровитель молодых талантливых музыкантов Фёдора Шаляпина, Антона Секар-Рожанского²⁷, Татьяну Любатович²⁸. Варвару Страхову сопровождал успех, который делил с ними их неизменный аккомпаниатор, влюблённый и счастливый Сергей Рахманинов.

Киев, Харьков, Одесса. И всё-таки крымские впечатления были самыми яркими! Газета «Крымский курьер» от 16 сентября рассказывает своим читателям о двух ялтинских и одном гурзуфском концерте, ей вторит газета

«Крым» от 26 сентября – уже о севастопольском концерте. Лейтмотив корреспонденций звучит в унисон: «Ф. Шаляпин произвёл фурор. Артист был так любезен, что бисировал неоднократно». И не слова о концертмейстере и соавторе этих концертов. Наверное, потому что уже тогда, в свои двадцать пять, он будет держаться на сцене и с публикой в свойственной ему манере, о которой Иван Бунин заметит, как о «большой сдержанности моего высокого друга»: гордый, молчаливый, замкнутый.

Последний концерт артистов русской частной оперы состоялся в Алушке. Жена певца Антона Секар-Рожанского – Елена Рудольфовна – вспоминает: «Он происходил на террасе Воронцовского дворца под открытым небом, при свете луны и звёзд, с двумя канделябрами на рояле. Но Сергей Васильевич играл всё наизусть, и даже при аккомпанементе свечи ему не понадобились. Было чудесно!»

Нетрудно представить себе эту сентябрьскую ночь на берегу моря, тающий в бесконечных просторах голос великого Шаляпина (который пел арию короля Ренэ из «Иоланты» Чайковского) и улетающие к звездам звуки рахманиновской «Мелодии». Второе свидание с Крымом завершилось.

...Много еще недосказанного, нераскрытого, непознанного в судьбе Сергея Васильевича Рахманинова. Внешне это был благополучный человек и музыкант. В России, если не считать юношеских неурядиц, он жил весьма неплохо; как-никак – помещик средней руки. Был принят в высшем обществе, на правах чуть ли не друга семьи наносил визиты брату царя, великому князю Михаилу. Поклонницы из бомонда хлопотали за него в трудную минуту, просили, чтобы подбодрил его Лев Толстой. Как музыкант, имел огромный успех. Полнейшее благополучие. Но в музыке всё явственнее звучит трагедия. Личная ли это трагедия, отражение страданий человечества? Это отдаётся на суд каждого, кто слушает его музыку.

«Как бывает правильно поставленный голос, так бывает правильно поставленная душа», – заметил Александр Ельчанинов²⁹. Так вот у Рахманинова душа была именно правильно поставлена. Всё дышало в ней

свободно: «заря, и ландыш, и ковыль, и лес, и поле, и дорога...» Его душа предчувствовала катастрофы наступающего XX века, и в поисках тишины и светлой радости он отправляется весной 1900 года туда, где ему было так хорошо. Он едет в Крым.

В середине апреля 1900 года Сергей Васильевич приехал в Ялту и поселился на даче Александры Андреевны Ливен³⁰. Композитору был приготовлен отдельный флигелёк в саду для работы и великолепный «Блютнер»³¹, который поставили на веранде.

Уже в первые дни пребывания музыканта на Южном берегу Крыма возобновились его встречи с Чеховым. Рахманинов с волнением рассказывал о своем не очень удачном (как ему казалось) знакомстве с Львом Николаевичем Толстым. Александра Ливен попросила Толстого принять молодого композитора. Но первая встреча в Хамовниках была краткой. Во второй раз Рахманинов пришел к Л.Н. Толстому с Шаляпиным. Они исполнили новый романс «Судьба». Льву Николаевичу романс не понравился. Стихи Апухтина он назвал «прескверными словами». На прощание Толстой сказал композитору: «У нас у всех бывают трудные времена, но такова жизнь. Выше голову и идите своим путем».³²

События эти произошли за два месяца до приезда в Крым. И молодой Рахманинов не соглашался с Чеховым, уговаривавшим его продолжить знакомство с Толстым. Позднее, уже в эмиграции, композитор с грустью и сожалением вспоминает об этом: «Я так больше и не был у Толстого, а теперь бы побежал. Он возвратил мне уважение к самому себе, и я могу сказать, что почти спас мне жизнь».

Рахманинов почти ежедневно бывал у Чехова. Симпатии хозяина Белой дачи и гостя росли. Антон Павлович даже объявил, что едет с Рахманиновым в Италию. 10 мая 1900 года композитор пишет из Ялты М.А.Слонову³³: «К моей радости, со мной едет А.П. Чехов». К сожалению, состояние здоровья не позволило Антону Павловичу осуществить заграничное путешествие.

Этой же весной в Ялту приехал коллектив тогда еще совсем молодого Московского Художественного театра. Композитор и ранее посещал Художественный театр, психологическое искусство которого было ему чрезвычайно близко. Но теперь, в Ялте, Сергей Васильевич получил возможность близко познакомиться с артистами. «Из Севастополя мы приехали в Ялту», – рассказывал в своей книге «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславский. – Кроме писателей в Крыму было много артистов и музыкантов. Самым памятным знакомством для меня стала встреча с молодым С.В. Рахманиновым³⁴.

В доме Чехова началось близкое знакомство композитора с А.М. Горьким, А.И. Куприным, Д.Н. Маминым-Сибиряком, К.М. Станюковичем. 25 апреля 1900 года в гостинице «Россия» на ужине, устроенном в честь литераторов и актёров, произошла встреча Рахманинова с Иваном Алексеевичем Буниным, талант которого он высокого ценил.

«При моей первой встрече с Рахманиновым в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве, – вспоминал Бунин. – ...В ту ночь мы были еще молоды, были далеки от сдержанности, как-то внезапно сблизились, чуть не с первых слов... ушли на мол – было уже поздно, нигде не было ни души... и говорили, говорили всё горячее и радостней уже о том чудесном, что вспоминалось нам из Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Спустя десятилетия мне видится высокая фигура Рахманинова на ялтинском молу и, кажется, я слышу его дивный голос, взволнованно и медленно читающий строки Майкова:

Я в гроте ждал тебя в урочный час.

Но день померк: главой качая сонной

Заснули тополи, умолкли гальциомы.

Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас.

Редела ночь; любовница Кефала,

Облокотись на рдяные врата
Младого дна, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса...»³⁵

Остаётся добавить, что в последующие годы Рахманинов нашел проникновеннейшие звуки для воплощения поэзии Ивана Алексеевича в своих романсах «Я опять одинок» и «Ночь печальна».

Крымская весна, подарившая столь интересные знакомства и вдохновляющие встречи, была наполнена работой. Сергей Васильевич настойчиво вёл к завершению свою Вторую сюиту для двух фортепиано. Ссылаясь на присланный композитором в 1917 году Асафьеву перечень произведений с указанием дат сочинения, можно утверждать, что в Ялте Рахманинов работал над третьей и, возможно, четвертой частью сюиты: «Романсом» и «Тарантеллой». Но главное – Рахманинов шёл к новой творческой вершине, величайшим художественным открытиям. Лето 1900 года подготовило его к созданию Второго концерта для фортепиано с оркестром – одного из шедевров русской музыки, завершённого весной следующего 1901 года.

Той ялтинской весной Рахманинов навещал неизлечимо больного композитора Василия Сергеевича Калининкова³⁶, чья Первая симфония к тому времени получила всероссийскую известность, как и трагическая судьба её автора. Рахманинов всеми возможными средствами стремился поддержать музыканта. Он играл для него, знакомил «ялтинского пленника» с новыми сочинениями Глазунова, Танеева, Аренского и по его просьбе исполнял собственные произведения. Для Калининкова эти встречи были подобны целебному воздуху. 2 мая 1900 года он пишет своему преданному другу С.Н. Кругликову: «Был у меня Рахманинов, гостящий у Ливен. Доставил мне огромное удовольствие своей игрой. Услышал я, между прочим, «Судьбу» на апухтинские слова, петую Шаляпиным. По-моему, выдающееся произведение.

Посещениям Рахманинова я очень рад, они освежают меня. Большой он талант»³⁷.

Рахманинов прикладывал максимум усилий для оказания помощи В.С. Калинникову в опубликовании его произведений. Он взял на себя посреднические функции в переговорах с крупным издателем Юргенсоном³⁸, пытаясь продвинуть в печать симфонии и романсы композитора. После смерти Калинникова «Крымский вестник» 9 января 1901 года сообщил по этому поводу любопытные факты: «А между тем Калинников не мог найти издателя для своих симфоний, и лишь в 1900 году Юргенсон согласился издать две его симфонии, но... без выдачи автору гонорара и с приобретением права собственности на эти симфонии...» Под видом якобы уже полученного авторского гонорара, Рахманинов вручил умирающему музыканту 120 рублей. Это было в духе натуры Сергея Васильевича, всю жизнь оказывавшего материальную помощь множеству людей деликатно и незаметно. Ведь даже своей покинутой Родине, которую он избегал называть «СССР» – всегда только «Россия», в годы Великой Отечественной войны он отправил более восьми тысяч долларов с лаконичным сопровождением: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом».

Сергей Васильевич был из тех людей, которые не любят что-либо делать напоказ. Вряд ли так важно теперь дотошно выяснять его «отношения с Богом». В начале творческого пути он записал в дневнике: «Своим дарованием я обязан Богу, только ему одному. Без Него я ничто». В партитуре последнего сочинения – «Симфонических танцев» – сдержанно отметил в конце: «29 октября 1940 года. Благодарю Тебя, Господи». Его мировоззрение отразилось в музыке. Как иначе расценить его «Духовный, концерт», «Литургию Св. Иоанна Златоуста», «Всенощное бдение», романсы «Молитва», «Христос воскрес», «Из Евангелия от Иоанна», «Воскрешение Лазаря?» Неужели это всего лишь та самая пресловутая «дань традиции»?

«Очень он любил церковное пение, – вспоминал о нём А.Ф. Гедике³⁹, – и частенько, даже зимой, вставал в семь часов утра, в темноте наняв извозчика,

уезжал в большинстве случаев в Таганку, в Андроньев монастырь, где выстаивал в «полутёмной», огромной церкви целую обедню, слушая старинные, суровые песнопения, исполняемые монахами. Это производило на него сильное впечатление...»

Нет, ни в коей мере это не елейный Рахманинов. Инфернальность его любимых «Колоколов», вроде безумной Вальпургиевой ночи, в которой даже колокольный звон становится потусторонним звоном несбыточного. От серебристого перезвона дорожных колокольчиков – до оглушающего зловещего набата.

Композитор обладал удивительно тонким чувством трагичности бытия. Он как бы всё время ощущал его пульс. И это состояние он не создавал, он просто непрерывно пребывал в нём. На пороге сорокалетия он ощутил, что его мысли о смерти приобрели неожиданный поворот. Оказывается, гораздо страшнее, если «там» что-то есть!

«Раньше трубил всего понемногу, – говорил он, – разбойников, воров, эпидемий – но с ними, по крайней мере, можно справиться. А тут действует именно неопределённость – страшно, если после смерти что-то будет. Лучше сгнить, исчезнуть, перестать быть, но если за гробом есть что-то другое, вот это страшно. Пугает неопределённость, неизвестность»⁴⁰. И все-таки...

И всё-таки в его музыке звучит неудержимое восклицание о тщете человеческого суда перед лицом Суда Вселенского, звучит надежда на справедливость, которая выше закона. В юности, вдохнув этого страшного, странного знания, он навсегда остался его свободным пленником, своими музыкальными созданиями соприкасаясь с иными творческими мирами. Вот потому он всегда откликался на предельно правдивый зов небесного эха.

«Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье...»⁴¹

Так начинаются «Колокола», которые Рахманинов считал своим лучшим произведением. И он, первый из русских композиторов, проникший столь

глубоко слухом, всем существом музыканта в суть «колокольности», в богатейшую культуру звона в своей грандиозной поэме для солистов хора и оркестра, дает образ уже не колокола, не набата, а подземного гула, утверждающего неизменные закономерности бытия.

История создания «Колоколов» романтична. Работая летом 1912 года в своем тамбовском имении Ивановка, Рахманинов получил письмо из Севастополя от незнакомой девушки с вложенным в него текстом поэмы Эдгара По в переводе Константина Бальмонта «Колокола». Крымская незнакомка просила композитора прочесть поэму и написать музыку, трогательно убеждая, что только талант Рахманинова может передать силу потрясших ее поэтических строк. Романтическая символика стихов Эдгара По, упоительно-музыкальное звучание бальмонтовского перевода, загадка колокола – символического поверенного судьбы человека, спутника его от рождения до смерти – всё это увлекло Рахманинова. Весной 1913 года в Риме он намечает полный эскиз нового произведения и записывает в дневнике: «Возрождение или смерть? Главное – уйти из Мира в мире. Я больше всего люблю молитву из пятого гимна «Колоколов»: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром». Я бы хотел, чтобы его исполнили на моих похоронах».⁴²

Но кто же была та таинственная поклонница, которая предложила композитору программу для нового сочинения? Только после смерти Рахманинова благодаря документам выяснилось её имя. В Москве, в архиве Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки хранится рукопись «Колоколов» Рахманинова. К рукописи приложен адрес той, что прислала текст поэмы: «Севастополь, Петропавловская ул., д. 46, Мария Данилова».

Родом из Севастополя, Данилова обучалась в классе известного московского виолончелиста Михаила Букияника. Она страстно любила музыку и интересовалась всеми музыкальными событиями. Лето Мария обычно проводила у матери в Севастополе. Именно там ей случайно встретилась поэма «Колокола». Мысль о том, что боготворимый ею Рахманинов должен написать

музыку к поэме Эдгара По, настолько неотступно преследовала её, что Данилова решилась написать композитору. Так Крым еще раз вошёл в жизнь гениального музыканта.

Почему ныне в мировой культурной традиции музыка Рахманинова стала пониманием России? Потому что человек, признавшийся однажды: «Не могу жить без русских людей!», – ввёл поэзию русской души в свое искусство и стал первым из двух композиторов XX века (второй – Георгий Васильевич Свиридов), пытавшимся в музыке спасти Древнюю Русь и спасавшимся ею. Он с силой бросал себя в бездны и выси, проходя крестный путь своих духовных исканий. Исповедальные страницы дневника об этом рассказывают: «Несчастливая эта нация – русская! Ничего не умеем и ничего не можем! К этой категории и себя включаю... Я глубоко убеждён, однако, что будущее России безгранично».

Что аккомпанировало его воспоминаниями о далёкой Родине на Раверсайд Драйв и в Беверли Хиле, на вилле «Сенар», что в Швейцарии и в отелях Парижа, Лондона, Амстердама?..

«Четыре серебряные плачущие ноты» колоколов Софии Новгорода Великого, что пробудили душу в детстве; малиновый звон московских «сорока сороков», освятивший юность; шелест цветущих садов тамбовской Ивановки? А может быть стихи Константина Бальмонта, которые он часто вспоминал, работая над своим последним шедевром – «Симфоническими танцами»:

Где-то там за синими скалами,
В колыбели млеющей весны,
Вдохновенно-сладкими словами
Степь поёт волнующие сны...
Длинный лук с разбитой тетивой
К стремнам бессильно опустив,
На коне забытою тропой
В ковыле высоком мчится скиф...

В 1915 году композитор с увлечением начал работать над балетом «Скифы», но... спектакль не состоялся, несмотря на то, что было сделано немало набросков. Музыкальный материал нерождённого балета Рахманинов спустя четверть века использовал в партитуре «Симфонических танцев», часто вспоминая при их создании, по словам Софьи Александровны Сатиной⁴³, «молодость, скифов и Крым».

«Полуденный край» навсегда остался в рахманиновской «памяти сердца»: ведь на земле, где он начал сочинять, где излечился от душевных ран, где набирался сил для дерзновенного взлета, ему выпало дать концерт, который стал последним выступлением на Родине.

В июле 1917 года Сергей Васильевич с женой Наталией Александровной и дочерьми Татьяной и Ириной приезжает из Москвы в Севастополь. Затем отправляется в Новый Симеиз, сняв виллу «Миро-Маре»⁴⁵ на пустынном берегу. В то лето Рахманинов много читал, часами в одиночестве бродил на берегу моря, вечерами садился к роялю. К радости Сергея Васильевича, часто приезжал Шаляпин, семья которого жила в Мисхоре. Певец был не просто «друг всей жизни», а той самой вечно неунывающей и непредсказуемой палочкой-выручалочкой. Своими розыгрышами, импровизациями он успокаивал тревожные предчувствия рахманиновской души, внося в жизнь своего великого друга житейскую, ребячески-добрую интонацию. Как всегда, Шаляпин входил, ошарашивал всех каким-нибудь безумным тезисом, а потом садился за стол и с улыбкой ждал негодующих нападок со всех сторон.

В минуты серьёзности Шаляпин говорил: «Слушайте меня сейчас, а не в опере». Дочь певца Ирина Фёдоровна Шаляпина вспоминала: «Услышав, что отец хочет петь, Рахманинов садился за рояль, брал несколько аккордов и вдруг... начиналось чудо»⁴⁶. Остаётся только сожалеть, что импровизированные концерты двух музыкальных титанов остались лишь в памяти их близких.

В тревожных размышлениях проходило лето. С наступлением осени Шаляпины переехали в Ялту, где поселились в доме композитора Александра

Спендиарова⁴⁷. Теперь уже Рахманинов приезжал к Шаляпину и всё свободное время они посвящали музыке.

26 августа 1917 года Сергей Васильевич пишет из Нового Симеиза в Москву сестре жены Софье Сатиной: «На этих днях, т.е. 30 августа, я играю в Ялте. Взял себе этот концерт, чтобы что-нибудь заработать. Жизнь здесь ужасно дорога, и мы много истратили»⁴⁸.

Однако по неизвестным причинам срок выступления был дважды изменён. Концерт состоялся 5 сентября. Он проходил днем в городском саду. Дирижировал Александр Орлов. Рахманинов исполнил Первый концерт Листа для фортепиано с оркестром. Гениальный музыкант играл, еще не зная, что это прощание с Россией навсегда.

Рецензия на последний в России концерт Рахманинова опубликована 10 сентября 1917 года газета «Ялтинский голос». В ней встречаем драгоценные для нас подробности. Автор заметки, помещённой в разделе «Театр и музыка», И. Круглов пишет: «Во вторник, 5 сентября, состоялся бенефис А.И Орлова. 29 симфонический концерт при участии Сергея Васильевича Рахманинова. Первое отделение заняла Пятая симфония А. Глазунова. А.И. Орлов, исполняя эту трудную симфонию, сделал всё, что было возможно с наличным составом оркестра. Но главный интерес концерту придавало участие в нём в качестве солиста С.В. Рахманинова. Говорить об исполнении С.В. Рахманинова не приходится. Его игра выше критики и отзывов. Можно лишь попытаться слабо передать то удивительное впечатление, которое этот колосс-музыкант производит на слушателей и исполнителей. Замечательно и то, что С.В. Рахманинов, этот могучий композитор, выступал, как пианист-виртуоз с чужим произведением. Он играл концерт Листа Es-Dur с оркестром. Ялта еще никогда не слыхала такого идеального исполнения Листа. Под бурю аплодисментов С.В. Рахманинов исполнил на бис ряд своих произведений. Общее впечатление от концерта таково: был редкий музыкальный праздник, превосходно удавшийся, т.к. Рахманинов на летней эстраде – явление особого порядка».

6 сентября Рахманинов уезжает в Москву. 20 декабря 1917 года навсегда покидает Россию.

В свои лучшие годы счастливый, безмерно одарённый, всесветно прославленный, осенённый не покидающим его вдохновением, живущий не впопыхах, а со вкусом, и тем как будто себя утверждающий, он испытал эмоциональное потрясение, увидев картину швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина «Остров мёртвых». В 1909 году Рахманинов напишет симфоническую поэму с таким же названием, но до конца дней не решит для себя дилемму: вечный покой Острова мёртвых – награда в конце трудной земной дороги или наказание за ошибки на этом пути?

Композитор умрёт от скоротечной формы рака, не дожив три дня до своего семидесятилетия и не узнав, что его многострадальная Родина ждёт своего великого сына. Уходя в пору буйного цветения садов, Рахманинов всё яснее будет слышать Музыку, сам становясь ею.

Не стала ли для гениального творца тем самым Островом мёртвых Америка, из которой странствующий музыкант Серёжа Р. так и не сумел вернуться? Одно слово – судьба! Но, как возразил сам же Рахманинов: «Да... Одно слово, но какое!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рахманинов Сергей Васильевич (20 марта (1 апреля) 1873, Великий Новгород – 28 марта 1943, Беверли-Хилс, США), композитор, пианист, дирижёр. До 2003 г. местом его рождения указывалось имение Онег Новгородской губ., принадлежавшее деду по матери – генералу Петру Ивановичу Бутакову, директору Новгородского Аракчеевского кадетского корпуса. Но новейшие исследования доказали, что Рахманинов родился в Великом Новгороде (журнал «Музыкальная жизнь», 2003. – № 4).
2. Строки из стихотворения русского поэта Георгия Владимировича Иванова (1894-1958), с 1922 г. жившего в эмиграции в Париже.
3. В вышедшей в 1890 г. в Москве книге «Родословная дворян Рахманиновых» сообщается, что Рахманиновы служили русскому престолу более четырёхсот лет. Основателем рода был наследник династии молдавских господарей Драгош – Иван Вечин, обосновавшийся в Москве в конце XV в. Его второго сына Василия за радушие и хлебосольство прозвали «Рахманином» (гостеприимным, щедрым), что и определило фамилию всего рода.

Рахманинов Александр Герасимович (1758-1808), прадед композитора служил в гвардии, увлекался музыкой, в собственном имении Знаменское Тамбовской губ-ии организовал хор певчих, затем оркестр, в котором играл на скрипке, открыл собственную типографию, где печатал произведения Вольтера, которые перевёл на русский его отец Герасим Иевлевич Рахманинов. Рахманинов Аркадий Александрович (1808-1881), дед композитора, пианист, собиратель фольклора. Служа в СПб, брал частые уроки у известного ирландского пианиста и композитора Джона Фнльда (1782-1837), жившего в России. По мнению великого пианиста Антона Рубинштейна (1829-1894), А.А. Рахманинов был лучшим в России пианистом любителем. Дед композитора успешно сочинял. Его романсы звучали в салонах Москвы и СПб. Рахманинов Василий Аркадьевич (1850-1916), отец композитора, участник Кавказской войны против Шамиля. В годы службы в Гродненском гусарском полку (Варшава) обвенчался с Любовью Петровной Бугаковой (1853-1929). Замечательно играл на фортепиано: у него была прекрасная техника и редкий дар импровизатора. Мать – великолепная пианистка, брала уроки у Антона Рубинштейна.

4. Эти слова произнёс П.И. Чайковский, председательствовавший на выпускном экзамене по композиции 7 мая 1892 г. в Московской, консерватории и поставивший «5», окружённую со всех сторон плюсами. Решение комиссии: «пять с плюсом» и Большая золотая медаль.

5. Зверев Николай Сергеевич (1833-1893), пианист, преподаватель, затем профессор Моск, консерватории. В молодости учился на физ.-мат. отд. Моск, ун-та, затем, серьезно увлечшись музыкой, стал учеником известного пианиста и композитора, впоследствии профессора Моск. консерватории Александра Дюбюка (1812-1897).

6. Зилоти Александр Ильич (1863-1945), выдающийся пианист, дирижёр, профессор Моск. консерватории, организатор концертов в СПб. Был женат на старшей дочери П.М. Третьякова – Вере Павловне, двоюродный брат С.В. Рахманинова. С 1918 г. – в эмиграции.

7. Игумнов Константин Николаевич (1873-1948), выдающийся пианист, профессор (1899-1948) и ректор (1924-1930) Моск. гос. консерватории, доктор искусствоведения, засл. деятель иск-в РСФСР, нар. артист СССР.

8. Пресмон Матвей Леонтьевич (1870-1941), пианист, педагог, директор Муз. училища Ростовского отделения Рус. муз. об-ва, профессор Бакинской консерватории.

9. Максимов Леонид Александрович (1873-1904), пианист, профессор Муз. училища Моск. филармонического об-ва.

10. Токмаков Иван Федорович (18 -), рус. миллионер-чаеоторговец. Прожив большую часть жизни в Забайкалье, в связи с ухудшившимся здоровьем переехал в Крым и купил неск. имений. Его прогрессивные взгляды нашли свое выражение в обществ. деятельности. В

имении Кореиз построил школу на 50 мест. Народный дом, где были созданы драм. и муз. кружки. Кореизская библиотека Токмаковых считалась после Ялтинской лучшей на побережье. В Мисхоре им была открыта больница. Во всех имениях ежегодно проводились Детские праздники, один из которых однажды посетил Л. Толстой. Дочери Токмакова Мария и Елена после окончания в СПб Бестужевских курсов в 1891 г., когда в России свирепствовал голод, уехали в Поволжье и два года помогали в создании т.н. питательных пунктов, организовывали сбор средств, оказывали мед. помощь. Мария Ивановна Токмакова-Водовозова (1869-1954) стала первой издательницей легальных марксистских книг в России в кон. 1890-х, в частности, ею изданы две книги Ленина «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды».

11. Ладухин Николай Михайлович (1860-1918), композитор, преподаватель, затем профессор Моск. консерватории, автор учеб. пособий по муз.-теоретич. предметам.

12. Пресман М.Л. Уголок музыкальной Москвы восьмидесятых годов. Воспоминания о Рахманинове. Т. 1. – М.: Музыка, 1967. – С. 168.

13. Оленз – имение Токмаковых на вост. окраине Мисхора, граничившее с имением князей Долгоруких.

14. В мемуарах выдающегося подольск. пианиста, педагога, композитора, директора Муз. ин-та Кёртиса в Филадельфии Иосифа Казимировича Гофмана (1876-1957) приводится цитата из Нью-Йорк-Таймс от 2 февраля 1943 г.

15. Лодыженская Анна Александровна, родная сестра извест. цыганской певицы, исполнительницы старин, таборных песен Надежды Александровой. Анне Лодыженской, обладавшей прекрасным меццо-сопрано, Рахманинов посвятил романс О нет, молю, не уходи...

16. Выдающийся пианист-виртуоз, композитор, основатель Рус. муз. об-ва и первой рус. консерватории (1862) в СПб, её директор и профессор Антон Григорьевич Рубинштейн (1829-1894) был нередко в числе слушателей домашних концертов в доме Н.С. Зверева, в которых выступал и ученик Зверева – С.В. Рахманинов.

17. Цит. по воспоминаниям Альфреда Свана (1890-1952), англ. музыковеда и композитора.

18. Бунина Вера Николаевна (1881-1961) – жена писателя Ивана Алексеевича Бунина.

19. Асафьев Борис Владимирович (лит. псевд. Игорь Глебов; 17 (29) июля 1884, СПб. - 27 января 1949, Москва), композитор, автор 3 симфоний, 10 опер, 27 балетов («Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» и др.), профессор Ленинград. гос. консерватории (1925-1949), доктор искусствоведения, действ. чл. АН СССР, нар. артист СССР.

20. Забела-Врубель Надежда Ивановна (1867-1913), певица (сопрано), артистка Рус. частной оперы (Москва) и Мариинского театра (СПб.), жена художника Михаила Врубеля. Для неё

Н.А. Римский-Корсаков создал заглавные партии в операх «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок».

21. «Алеко» – одноактная опера, ставшая дипломной работой С.В. Рахманинова (либретто В.И. Немировича-Данченко по поэме Пушкина «Цыганы»).

22. Торнаги Иола Игнатьевна (в замуж. Шаляпина; 1873-1965), балерина, артистка Рус. частной оперы (Москва), первая жена Ф. Шаляпина.

23. Страхова Варвара Ивановна (1873-1950), певица (меццо-сопрано), артистка Рус. частной оперы (Москва).

24. Винтер-Романская Елена Рудольфовна (1880-1958), певица, жена певца Антона Секар-Рожанского.

25. Цит. по восп. Е.Р. Винтер-Рожанской (Воспоминания о Рахманинове. – Т. 2. – М.: Музыка, 1967. – С. 23).

26. Автор стихов – Аминад (Аминодав Пейсахович) Шполянский (лит. псевд. Дон Аминадо; 1888-1957), рус. поэт, фельетонист, мемуарист. С 1920 г. – в эмиграции, в Париже; награждён Орденом Почётного Легиона.

27. Секар-Романский Антон Владиславович (1863-1952), певец (драматич. тенор), артист Рус. частной оперы (Москва), профессор Моск. консерватории, с 1920 г. – в эмиграции.

28. Любатович Татьяна Спиридоновна (1859-1932), певица (меццо-сопрано), артистка Рус. частной оперы (Москва).

29. Ельчанинов Александр Георгиевич (1868-1918), рус. православ. историк.

30. Ныне бывшая дача Александры Андреевны Ливен (18 -19), председ. Думского благотворит. тюремного комитета, расположился по адресу: ул. Бассейная, 8.

31. Немецкая фирма клавишных инструментов.

32. Цит. по: Б. Асафьев. Избранные труды. – Т. 2.

33. М., 1954.

34. Слонов Михаил Акимович (1869-1930), певец, композитор, педагог, один из наиболее близких товарищей С.В. Рахманинова.

35. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. – М.: Искусство, 1972. – С. 68.

36. Из воспоминаний И.А. Бунина «С.В. Рахманинов». – М.: Музыка, 1967. – С. 29.

37. Калинин Василий Сергеевич (1866-1901), рус. композитор, автор 2 симфоний, пролога к незаконч. опере «В 1812 году», симфонич. поэмы «Кедр и пальма», фортепианных миниатюр. Наибольшей популярностью пользуется Первая симфония. Всю жизнь преследовали нищета и болезни. Уже больной туберкулезом, он получил материальную помощь от С.И. Мамонтова и смог уехать в Ялту.

38. Цит. по кн.: Василий Калинин. Письма, документы. – М.: Музыка, 1969.

39. Юргенсон Пётр Иванович (1836-1904), крупнейший рус. нотопечататель и муз. деятель. В 1861 г. открыл в Москве муз. изд-во (в 1867 г. нотопечатню). Был одним из директоров Моск. отделения Рус. муз. об-ва. В 1918 г. на базе фирмы Юргенсона было организовано Гос. муз. изд-во.
40. Гедике Александр Фёдорович (1877-1957), композитор, органист, пианист, профессор Моск. гос. консерватории, доктор искусствоведения, нар. артист РСФСР, двоюродный брат выд. композитора и пианиста Николая Карловича Метнера (1879-1951). Николай Метнер, как и Иван Бунин, стал одним из многих десятков людей, кому Рахманинов долгие годы материально помогал в эмиграции.
41. Цит. по дневникам С.В. Рахманинова (жур. «Музыкальная жизнь», 1998. – № 4).
42. Рус. литература знает 7 переводов произведения американского поэта и новеллиста Эдгара Аллана По (1809-1849) «Колокола». Лучшим считается перевод Константина Дмитриевича Бальмонта (1867-1942). Поэзия Бальмонта всегда привлекала Рахманинова.
43. Цит. по дневникам С.В. Рахманинова (жур. «Музыкальная жизнь», 1998. – № 4).
44. Сатина Софья Александровна (1879-1967), родная сестра жены Рахманинова – Натальи Александровны и его двоюродная сестра; препод. ботаники на мед. и физ.-мат. фак. Моск. Высших женск. курсов (1907-1921), одна из основательниц и сотруд. Музея учеб. наглядных пособий (1905-1917), науч. сотрудник Высш. технич. училища (Дрезден, 1922), Ин-та Карнеги (Нью-Йорк, 1922-1942), генетич. экспериментальной станции при Смитколледже (Массачусетс, 1942-1953), доктор биологич. наук (1944), автор многочисл. науч. трудов по вопросам ботаники и генетики, печатавшихся в 1910-1955 гг. Рахманинов считал её «самым нежным и самым близким другом». Пронеся через всю жизнь огромную любовь к Сергею Васильевичу, она стала автором первого биография, очерка – «Записки о С.В. Рахманинове».
45. Цит. по: С.А. Сатина. Записки о С.В. Рахманинове. – В сб.: Воспоминания о Рахманинове. – Т. 1. – М.: Музыка, 1967.
46. Вилла «Миро-Маре» – теперь корпус санатория им. Н.А. Семашко.
47. Цит. по восп. «Памяти С.В. Рахманинова» Ирины Фёдоровны Шаляпиной (1900-1989), драм. актрисы, дочери Ф.Н. Шаляпина от первого брака, крестницы С.В. Рахманинова, которой именно он выбрал имя (Воспоминания о Рахманинове. – Т. 2. – М.: Музыка, 1969. – С. 195).
48. Спендиаров (Спендиарян) Александр Афанасьевич (1871-1928), композитор, дирижёр и педагог, нар. артист Армянской ССР, классик армянск. музыки, заложивший основы нац. симфонизма. Среди его самых извест. произведений: первая нац. опера «Алмаст», две сюиты «Крымские эскизы». Был дружен с Ф.И. Шаляпиным. В 1918-1920 гг. жил в Ялте, имел дачу в Судаке.

49. Цит. по кн.: Письма С.В. Рахманинова (сост. О.И. Соколова). – М.: Музыка, 1984.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асафьев Б. С.В. Рахманинов / Воспоминания о Рахманинове. – М.: Музыка, 1974. – Т. 2. – С. 384-412.
2. Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов (1873-1943). – М.: Сов. композитор, 1976. – 645 с.
3. Ганзбург Г. Стилевой кризис Рахманинова: сущность и последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2006/06/02-310>.
4. Васина-Гроссман В. Русский классический романс XIX века / В.А. Васина-Гроссман. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 352 с.
5. Воспоминания о С.В. Рахманинове: в 2 т. / ГЦММК им. М.И. Глинки; сост.-ред. примеч. и предисл. З.А. Апетян. – 5-е изд., доп. – М.: Музыка, 1988. – Т. 2. – 666 с: ил., нот.
6. Живов Л. Удачи и просчеты вокалистов // Советская музыка. – 1973. – № 6. – С. 64-69.
7. Кюи Ц.А. Избранные статьи об исполнителях / Под ред. И. Гусина. – М.: Музгиз, 1957. – 275 с.
8. Мусоргский М. Документы и материалы. – М., 1956.
9. Петрова Ю. Рахманинов – композитор-интерпретатор собственных сочинений (Отражение эстетических позиций в его литературном наследии) / Творчество С.В. Рахманинова в контексте мировой музыкальной культуры: опыт и новые направления исследований на рубеже XX-XXI вв.: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию С.В. Рахманинова. – Тамбов–Ивановка: ТГТУ, 2003. – 288 с.
10. С. Рахманинов. Литературное наследие: в 3 т. / Сост.-ред., авт. вст. ст., коммент., указ. З.А. Апетян. – М.: Сов. композитор, 1978. – Т. 1. – 648 с.
11. Энгель Ю. Глазами современника. Избранные статьи о русской музыке. – Л., 1971.